

Ольга КОВАЛИК

Общая фото - 1995 - 26 стлб. -
8 фото - с. 16

Михаил ВРУБЕЛЬ:

«Эти глаза меня погубили»

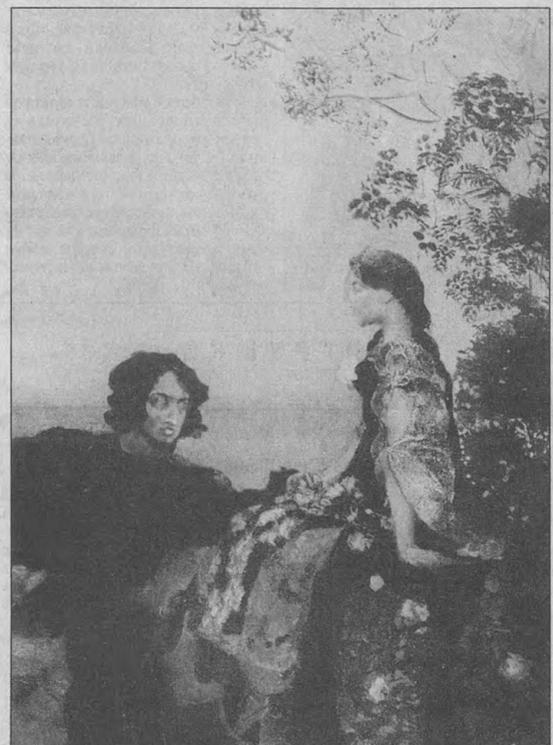
ОУДБА художника, творимая в течение всего 54 лет, подобна «туманной картине»: воспоминаний Врубель не оставил, в письмах больше философствовал, о «деле душевном» всегда проговаривал наскоро. Он замалчивал важнейшие события своей личной жизни, хотя именно они оказали наибольшее влияние на его ни с чем не сравнимый образный мир.

Стоит ли говорить, насколько ценны для нас редкие свидетельства о жизни Мастера. Мир, скованный обстоятельствами и условиями, отступал перед загадочным творчеством этого свободного и культурного художника. Его жизнь в искусстве обошлась без полуудач и полупроходов, и печать гения лежит на всех без исключения его произведениях. Сегодня я хочу вспомнить о Той, кто вдохновляла в конце прошлого века Михаила Александровича, — о Марии Симонович. Память о ее облике мы носим в сознании еще со счастливых и трепетных детских постижений миров Третьяковской галереи. Маша запечатлена ее двоюродным братом Валентином Серовым на картине «Девушка, освещенная солнцем». И мало кто знает, что в конгенитальных иллюстрациях Врубеля к лермонтовскому «Демону» милая, непостижимо-женственная Тамара — тоже Мария Яковлевна, бывшая в 80-х годах прошлого века невестой художника. «...Ее фигура, ее поза, весь характер ее», — заметила младшая сестра Маши Нина Симонович-Ефимова. Маша — это Офелия на врубелевской картине «Гамлет и Офелия». Вот что писал по этому поводу сам художник сестре Анне в 1884 году:

«Сегодня вечером у меня с Серовым было серьезное совещание, как наладить это дело (работу над картиной). — О.К. Он берет по-зировать каждый день по полтора часа, женскую фигуру беру с одной из его двоюродных сестер (праздничное знакомство и надолго; страшно много интересного, и впереди мерещится еще больше)».

В конце 1930-х годов Мария Яковлевна по просьбе сестры Нины написала воспоминания о Врубеле, сопроводив их короткой запиской: «Милая Ниночка, посылаю тебе то, что обещала, но не знаю и даже не надеюсь, что хорошо, во всяком случае, больше ничего не могу сказать, и эти воспоминания были мне подсказаны «благоприятным жаром» в 38,2° пишется очень легко, вспоминаешь совсем забытые факты, и все так ярко, даже забавно... Книгу о Врубеле я просмотрела нарочно уже после, когда кончила писать свое, чтобы не быть под этим влиянием, и могу откровенно сказать, что ничем отсюда не воспользовалась. Так что все, что написала, все это память мне подсказала... Не знаю, все ли имеет интерес?» (этот и последующие материалы — из архива А.И. Ефимова).

Прежде чем привести воспоминания Марии Яковлевны, немного расскажу о ней самой. Родилась она 130 лет назад в Швейцарии. Ее родители — выдающиеся русские педагоги Адельаида Семеновна и Яков Миронович посещали Герцена в Женеве. Александр Иванович качал на руках крошечную Машу. Вот что пишет об этом в своих воспоминаниях «Моя встреча с А.И. Герценом в 1865 году» А.С. Симонович: «Вдруг моя девочка Маруся, сидевшая у меня на коленях, потянулась к блестящей запонке его манжет. Он взял девочку у меня и посадил к се-

Михаил Врубель. Гамлет и Офелия. 1888 г. Мастеру позировали Валентин Серов и Мария Симонович.

бе. У меня затуманилось в глазах; у нее резались зубы и было расстройство кишечника. Напрасно я звала к себе: она не шла, а он играл с ней и не давал ее, говоря: «Пусть сидит. Когда вырастет, Вы ей скажете, что ее держал на руках я». Я не только не помню, что он говорил дальше, но и перестала понимать вообще что-либо. Одна мысль гвоздила голову: сейчас случится нечто ужасное, и я желала, чтобы он скорее ушел. Заметил ли он мое смущение, не знаю, но вернул мне ребенка. Слава Богу, все обошлось благополучно.

Мир искусства, мир спокойной радости бытия сопутствовал жизни Марии Яковлевны. Владимир Дервиз вспоминал о ней как о «мягкой, необыкновенно доброй и деликатной, очень талантливой скульпторше». Последнему утверждению приходится верить на слово: работы ее практически не сохранились, а если что-то и осталось, то во Франции, где живут ее потомки. Правда, М.М. Антокольский бывал у Симоновичей и внимательно присматривался к творчеству Маши. «Кланяться Вашей дочери, а что дальше будет, увидим», — говорил он Адельаиде Семеновне в 1882 году. А в 1888 году Мария Яковлевна на пожертвованные Павлом Михайловичем Третьяковым 50 рублей ездила во Францию для занятий скульптурой. Профессиональную подготовку юная «скульпторка» (так называ-

ли ее в абрамцевском товариществе С.М. Мамонова) получила в Центральном училище технического рисования барона А.Л. Штиглица. Занималась она в одном атее с неразлучными друзьями — студентами петербургской Академии художеств Врубелем, Серовым и Дервизом.

Субботние вечера три товарища проводили на Кирочной улице у Симоновичей. «...Суббота посвящается посещению семейства тетушки Серова, где богатейший запас симпатичных лиц, моделей и музыки...» — писал Михаил Александрович сестре в 1884 году. «Милость молодая девушка, их беспритязательная простота рядом с необычайной работоспособностью и талантливостью — в этом состояла вся притягательная сила семьи... Атмосфера чистая и свежая как будто окутывала золотистой тканью их светлое существование; какой-то особенно нежный, неуловимо деликатный колорит просвечивал сквозь тусклую петербургскую мглу; тонкий аромат молодости будрил и очаровывал», — вспоминала мать Валентина Серова, знаменитый русский композитор В.С. Серова. Чистота отношений и помыслов отличала этот неповторимый кружок молодых единомышленников. Состояние праздничной молодости гармонично уживалось в них с серьезным жизненным и профессиональным настроем. И Врубель, и Дервиз, и Серов «довоспитывались» в

нежной и внимательной атмосфере дома на Кирочной. Только семья, «богатая содержанием умственным и этическим... при культивировании высокой гражданственности», могла очертить в личностной сути каждого те нравственные границы, в рамках которых и возможна абсолютная свобода, спасающая от постоянно наступающих извне модных влияний.

В конце 1883 года по пути в гостеприимный дом три товарища сфотографировались, а чуть позже поднесли в подарок на день рождения Адельаиде Семеновне большой альбом со своим снимком. «Бывало, Врубель среди горячей речи чертит византийские лики (эскизы, послужившие, мне помнится, для собора в Киеве)», — вспоминала Валентина Семеновна Серова. Сама же она, обладая мощным темпераментом, «принимала участие в наших шарадах и изображала очень верно старую еврейку на возу со всяким домашним скарбом, а Врубель артистически изображал клячу, запряженную в этот воз. Был даже случай, когда мы всей компанией отправились в гости к Репину и там тоже участвовали в живых картинах», — писал в своих «Записках» В. Дервиз.

Нина Яковлевна Симонович-Ефимова отмечала: «Легкое, неподдельное веселье тех суббот... питалось, как теперь я вижу, тем, что образовались три пары: Надя (дочь Симоновичей. — О.К.) и Владимир Дмитриевич Дервиз, Лея (Оля Трубникова — приемная дочь Симоновичей. — О.К.) и Серов, Маша и Михаил Александрович Врубель. Две первые закончились браком, Врубель же поехал исполнять заказ по рисованию собора в Киев, по приглашению Прахова, и с тех пор его судьба и судьба нашей семьи пошли разными путями».

Судьба Марии Яковлевны сложилась так. В 1890 году она вышла замуж за С.К. Львова, эмигранта царского правительства, и уехала с ним во Францию. Соломон Константинович почитался как опытный, авторитетный психиатр, был директором нескольких парижских лечебниц, главным врачом. Маша имела свой дом, жила изящно и достаточно. До революции она часто приезжала в Россию. После Октября 17-го года в Советский Союз удалось ей проехать один раз — в 1928 году. До самой своей кончины в январе 1955 года она мучалась nostalgia. Самыми близкими ее друзьями во Франции были И.И. Мечников и его супруга О.Н. Белокопытова, одаренная художница. Один из сыновей Марии Яковлевны — Андрей Львов — получил Нобелевскую премию за изыскания в области микробиологии.

Летом 1948 года М.Я. Львова поспешила встретиться со своей юностью. В то время проходила в Париже Художественная выставка. На ней был представлен и русский отдел. «Пришла туда в первый же день открытия с твердым желанием познакомиться с русскими и поговорить по-русски», — писа-

ла Мария Яковлевна своей племяннице Е.В. Дервиз. — Иду в уголок, где они собрались, и говорю: «Я — девушка, освещенная солнцем, Серова». Тут все объятия открылись, пришла Голушкина — заведующая Серовскими произведениями в Третьяковской галерее — и сразу говорит: «А, Мария Яковлевна!» Я с ними пробыла два часа. Потом Голушкина представила меня друзьям, две из них плакали, когда узнали, кто я, — от волнения».

ТЕПЕРЬ позвольте мне привести воспоминания М.Я. Симонович-Львова о М.А. Врубеле. В какой-то момент время обязательно разъединит людей. И только искусство соединяет их навечно.

«Эти глаза меня погубили», — сказал как бы про себя Михаил Александрович Врубель, отходя от маленькой библиотеки, где мы вместе искали какую-то книгу. Конечно, вечером, оставшись одна в комнате, я внимательно посмотрела в зеркало и, не увидев ничего смертельного в своих глазах, сразу оставила кануть в вечность эту фразу. Но теперь, отряхнув 55-летнюю пыль забвения, она сразу же всплыла в моей памяти, как будто сказанная вчера.

Мы вошли в полусвет от большой керосиновой лампы, висевшей на потолке с огромным полусферическим матовым абажуром, который, соединяя в себе весь свет, отражал его на большой круглый стол, стоящий под этой лампой и покрытый темно-карминной с цветными ковровой скатертью.

Свет, ударяясь о скатерть, раскололся затем розоватыми рефлексами на все и на всех. Лампа эта была своего рода художественное произведение и составляла, как вижу теперь, центр нашей гостеприимной семьи. В ее трех пролетах, составленных из трех перегородок, подерживающих резервуар с керосином, собралось множество маленьких абажуров из белого и черного металла. Они трубили в рота, возвещая что-то и волоча гирлянды из цветов и винограда, и составляли приятный для глаз ансамбль.

Мы вошли в этот таинственный розовый свет. Михаил Александрович совсем юный, лет 27-ми, с немного маленькой для своего тела головой и всегда в безукоризненном черном сюртуке, одетом с некоторой изысканностью.

Его большие светло-карие глаза смотрели приветливо и часто улыбались какой-то внутренней улыбкой, казалось, говорившей: «Я оцениваю это как следует». Его белокурые, золотистые волосы, выходящие с большой регулярностью по обе стороны пробора, были зачесаны назад, придавая необыкновенный блеск всей его фигуре.

Его манера держать голову высоко придавала ему некоторую сходство с лампой... Он был без борды и усов и, кажется, никогда и не брился, что придавало ему еще более юный вид.

Мы вышли в полосу света. А вот и наши товарищи: Серов и Дервиз. Не теряя времени, размещаемся для рисования. Рисовали всех, кто хотел сидеть: сестру Варю, например, — «мученицу», как ее называли, с красивым лицом. Другая сестра, Надежда, с не менее красивым лицом и красивой сложенной. Лея (Ольга Федоровна), будущая жена Серова, с оборнутой белой тканью головой — «Гольбейновская мадонна». Наконец, какой-нибудь случайный гость, отдающий себя на общую пользу. Все это происходило под всеосвещающей лампой.

Мы с сестрой Надей в это время исполняли иногда в соседней комнате симфонии Бетховена в четыре руки и этим услаждали слух рисовальщиков. Приходила Валентина Семеновна Серова и оглашала какую-нибудь музыкальную новинку.

Рисовали серьезно, что, впрочем, не мешало в то же время предаваться воспоминаниям. Три товарища — Врубель, Серов, Дервиз — очень любили говорить о своих итальянских похождениях, все вместе они неустанно восхищались примитивами и другими сохранившимися итальянской школы, архитектурой, скульптурой, церквями, монастырями; потом незаметно переходили на природу, холмы Любимой Умбрии и, наконец, Венеция

Эти глаза погубили Врубеля (Валентин Серов. Портрет Марии Львова. 1905 г. Музей Д'Орсэ, Франция).

— каналы, гондолы, гондольеры с их криками на поворотах, их серенады, которые тут же исполнялись...

Легкое, игривое, безбидное, обволакивающее настроение этих суббот и составляло всю прелесть и примадку для людей, труящихся целую неделю и переносивших иногда горькую участь неудач в работе. Три молодые девицы, без тени кокетства, интересные каждая в своем роде, сами того не подозревая, составляли центр этих вечеров. Тут люди, ищущие идеалов, в семейной обстановке встречали не только, а действительно, и это их интересовало. Такие разрядки от тяжелой атмосферы работы и повседневных забот, которые художники должны были выносить на себе, на легких вечерах в нашей семье и подготавливали творческое состояние художников (...).

Врубель был человеком большого культуры, но без некоторого небольшого польского оттенка, и с очень сложным характером. Он не только интересовался литературой, искусством, музыкой и изучал все это. Несмотря на окончание гимназии, университета, Академии художеств, он каждую свободную минуту посвящал самообразованию. Он был в полном смысле слова «труженник».

Михаил Александрович очень любил музыку и часто говорил, что завидует композиторам, у которых, по его мнению, есть гораздо больше шансов и ресурсов выразить свою мысль, и эта мысль композитора имеет лучшую участь долговечия, не то что картина. Он завидовал даже исполнителям, как людям, способным передать мысль автора. Он остался верен себе и женился на оперной певице, дочери скульптора Забелло, с чудным голосом и увековечил ее черты и сложение в своем «Демоне», которого он, очевидно, писал с нее.

Врубель никогда ничего не говорил нам о своих денежных ресурсах, но иногда через товарищей мы узнавали, что эти ресурсы оставались желать лучшего. Раз только он нам рассказал, как, сэкономив от своего обеда две копейки, он положил их с вечера под подушку, чтобы утром купить на них хлеба для очистки академического рисунка, и забыл... Он был очень огорчен, представлял себе лицо своей хозяйки, которая должна была найти эти две копейки в то время, когда стлала постель.

Михаил Александрович очень любил всякие ученые диспуты, например, о пользе латинского образования (сам он хорошо владел этим языком), и предавался с жаром подобным спорам. Конечно, у нас редко были посетители, кото-

рые могли бы сравниться с ним по силе ума и знаниям. «Жизнь складывается из мелочей», — говорил он, когда узнавал какое-нибудь новое свечение, даже незначительное.

Помню, что он сделал набросок масляными красками нашей общей поездки на Острова (холст был приблизительно 60 x 40). Сани, в которые мы уехали, — три девицы и трое художников: Врубель, Серов и Дервиз — управлялись толстым кучером и катились быстро. Решено было рано время насладиться красотой ездой, о которой мы не имели понятия. Был сильный мороз, ветер обдувал нас колочим снегом, и нам было не до наслаждения. Мы только и мечтали, как бы поскорее вернуться в тепло. Врубель в своем тонком пальто со смушковым воротником, видимо, зяб. Серов в нахлобученной шапке и мы трое, видимо, представляли печальное зрелище. Один Дервиз в своей обширной правобоевой шинели с громадным бобровым воротником наслаждался. Михаил Александрович изобразил очень удачно нас всех пятерых с синевато-зелеными лицами и съезжившимися от холода.

В конце зимы Врубель взял работу в Кирилловском монастыре в Киеве и уехал туда полной энергии и надежды, чтобы наконец исполнить свои силы на большой работе. Говорят, там, в его «Тайной вечере», можно узнать многих членов нашей семьи.

Мы все часто ему писали, чтобы поддержать его в одиночестве. Он нам отвечал очень милыми письмами, которые, к сожалению, не сохранились. Он описывал свою жизнь, свои настоящие и будущие работы.

Случилось так, что впоследствии мы были разъединены, и только Серов оставался его верным другом, посещающим его во время болезни.

По приглашению Валентины Семеновны Михаил Александрович Врубель, Валентин Александрович Серов и я поехали к ней в Сябринцы, где она жила в крестьянской избе. Она хотела поиграть нам на рояле только что оркестрированную ею свою оперу и звала сына и нас для критики.

Поезд громыхал, вагон третьего класса был переполнен, было душно. Выехав из Петербурга вечером, мы на рассвете выехали в Чудове и оттуда на телеге, веселые и довольные, отправились в Сябринцы. «А я нахожусь в положении Левина», — сказал мне в вагоне Михаил Александрович. Крутом все спали, храпели. Добросовестно начинаю припоминать, что это за «поло-

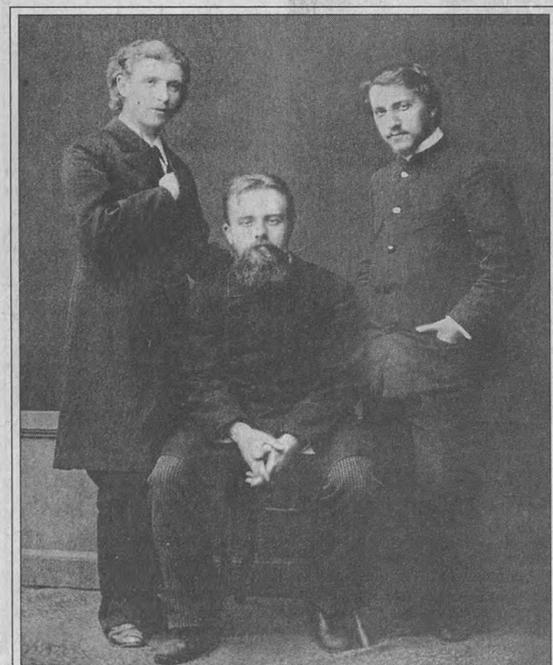
жение Левина» в романе Толстого? Прочитав его всего один раз в 16 лет, мне не сразу удалось представить «положение Левина». Решаю — Михаил Александрович хочет говорить о тех моральных несогласиях, которые были у Левина по отношению к земле, к крестьянам и к его деятельности в деревне, к жизни, наполненной разноголосиим с совестью. Я подумала, что Михаил Александрович, такой одаренный художник, зная себе цену, находит себя не оцененным и не может совместить свой взгляд на искусство и путь, по которому ему идти, с общественным мнением — дорога как-будто ускользает у него из-под ног. Все это промелькнуло у меня в голове, другого соотношения между ним и Левиным я не видела в эту минуту. Мне было жалко его, и я старалась его утешить. У меня ни в голове, ни в сердце никак не укладывалась мысль, что этот блестящий художник, умный и светский человек, может меня как-то ценить иначе, не как простую, навьюченную девочку, а говорить о Левине и думать, что я пойму его намеки как следует, то есть как он того желал, — это было бы слишком самоуверенно с моей стороны. У него была привычка говорить намеками или подходить к сюжету какими-то околными, очень сложными путями. Он больше ничего не прибавил к сказанному.

Из-за своей крайней застенчивости и робости я не стала уяснять расспросами, что он именно хотел сказать, и предпочитала лучше не понимать, чем расспрашивать, и эта фраза о Левине так и канула в мир недоразумений.

Я оставалась совершенно спокойной, не думала о какой бы то ни было возможной перемене в моей жизни, и мы оба со своими замкнутыми характерами так и остановились на невыясненном.

Когда Врубель уехал в Киев, я поняла, о чем он хотел говорить, и это, конечно, не делает честь моей догадливости в вагоне. Мы переписывались. Я старалась поддержать его... Писал он о своей работе, о работах настоящих и будущих, о своих прогулках по чудным окрестностям и звал меня в Киев. Но маменька, конечно, не согласилась на такую мою поездку...

В следующий его приезд в Петербург мы узнали, что он уже там не одинок. Он вскоре и уехал обратно, а когда вернулся опять через год, после окончания своих работ в Кирилловском монастыре, то меня уже не застал — я была в Париже, куда меня отправили после того, как я пробыла довольно долго острым малочервием. Там я занялась искусством».

На снимках (слева направо) М. Врубель, В. Дервиз, В. Серов (фото 1882-83 гг.), Надя и Маша Симонович, О. Трубникова (фото 1879 г.). Позже Надежда Симонович стала женой Владимира Дервиза, Ольга Трубникова вышла замуж за Валентина Серова. Судьбы Марии Симонович и Михаила Врубеля разошлись.